

Андреев Николай

18+

Я — Ясон

Книга 5

Николай Андреев
Я – Ясон. Книга 5

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Андреев Н. В.

Я – Ясон. Книга 5 / Н. В. Андреев — «ЛитРес: Самиздат», 2005

Пятая книга из серии приключений поэта Василия Романова. Соблазнив мужеубийцу, избив непревзойденного бойца, убив гостеприимного хозяина, защитив старика от дев-гарпий, великий древнегреческий герой Ясон получил в награду золотое руно. Поэт Романов, пройдя тот же путь, - клочок окровавленной шерсти вкупе с большими неприятностями.

Содержание

Часть первая. Путь Ясона	5
20 июля	5
21 июля	7
22 июля	15
23 июля	16
24 июля	19
25 июля	21
28 июля	22
29 июля	23
30 июля	25
3 августа	30
4 августа	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Николай Андреев

Я – Ясон. Книга 5

Часть первая. Путь Ясона

20 июля

Подобно погруженному в чуткий сон старому псу, туча, постукивая цепью дождевых капель о крыши домов, весь день беспокойно ворочалась с места на место и только вечером, когда на земле не осталось клочка суши, где мог бы укрыться ночной вор, окончательно уснула.

Около полуночи на небе появилась бледно-желтая луна. Выскользнув откуда-то из-под косматых тучьих лап, она обогнула старого пса и зависла над притихшим при ее появлении городом.

Отложив в сторону черновик со стихами, поэт Василий Романов поднялся из-за письменного стола. Вышел на балкон и, запрокинув голову, принялся размышлять о том, что если души умерших людей и вправду, как уверяют эзотеристы, отлетают к Луне, где, по их мнению, находится Чистилище, то им, душам, должно быть тоскливо в этот момент. И еще подумал он: в такую ночь, когда город необычайно тих, а луна необыкновенно бледна, охотно верится во всякую чертовщину вроде летающих падуших звезд, на Земле оборачивающихся в прелестных девушек и в мавок – полуночных зеленокудрых красавиц – губительниц мужчин.

Словно в подтверждении этих мыслей в ту же секунду по краю неба чиркнула звезда, а из прихожей одновременно с двенадцатым ударом городских курантов раздался звонок.

Направляясь в прихожую, Романов вспомнил старую поговорку о том, что если кто-то постучался ночью в дом, можно, конечно, предположить, что это английская королева заглянула на огонек...

– Но скорее всего, – сказал так, чтобы его услышали за дверью, – это пьяный сосед Гришка, язвы его в душу, опять пришел клянчить на бутылку.

И ошибся. На пороге, подрагивая от холода, стояла смуглая девушка в длинной до пят белой ночной рубашке.

Первое, о чем подумал Романов, глядя на ее босые стопы с аккуратно покрашенными ногтями, то, что над ним, по-видимому, пошутил кто-то из его подвыпивших дружков. Но после того как гостя на его вопрос: не ошиблась ли она случайно дверью, этажом и улицей, ответила, что главная ее ошибка заключалась в безоглядной вере Ясону, засомневался, так ли это.

– Вы кто? – спросил он. – Что вам надо?

– Селена – сестра Гелиоса, – ответила девушка, – предупреждала: любовь к герою принесет мне немало бед.

Романов вышел на площадку – посмотрел: не прячется ли кто в подъезде. Убедившись, что лестничные пролеты – тот, что ведет на пятый этаж и тот, что спускается вниз на третий, пусты, предложил девушке войти.

Девушка с высоко поднятой головой проследовала в темный зал. Остановилась у залитого лунным светом окна и тихим ровным голосом сказала:

– Да только что я – дочь жестокосердного царя Ээта – могла сделать, если боги распорядились так, а не иначе?

Пробормотав: «действительно, что?», Романов сел на диван. Закинул ногу на ногу и, пытаясь по внешнему виду гостьи определить, кто она – добровольная искательница экстремальных приключений или девочка по вызову, подосланная начитавшимся изданных им недавно «Записок астронавта» шутником, с интересом принялся разглядывать ее.

«Не толста», – первое, что с удовлетворением отметил он, оценивая скрытую за просторной ночной рубашкой фигуру девушки.

«Грудь, если и есть, скорее всего, небольшая», – второе, и

«Талия, судя по выступающим бедрам и плечам, тонкая», – третье.

После чего решил: глупо гадать о том, какая у девушки фигура, если можно протянуть руку и определить это на ощупь, благо ситуация располагала к исследованиям подобного рода, поднялся с дивана. Подошел, положил ладонь на ее бедро и, еще раз попросил назвать свое имя.

Не выразив ни малейшего неудовольствия действиями Романова, девушка сказала, что при виде Луны ей почему-то всегда хочется плакать.

Осмелев, Романов коснулся губами ее затылка, шеи и мочки слегка заостренного уха. После чего оттянул ворот и поцеловал в плечо.

– Наверное, это потому, – продолжала девушка, – что Луна самое одинокое и самое печальное создание во всей вселенной...

Поддакнув: «Да, так оно, наверное, и есть!», Романов поднял полу ночной рубашки. Просунил руку внутрь и, не встречая сопротивления, провел ладонью по внешней стороне бедра.

– Титаны истребили семейство Гипериона – отца Селены, но боги спасли ее и превратили в небесное светило.

Взяв девушку на руки, Романов отнес ее в кровать. Перед тем, как раздеться, решил, что сегодня, пожалуй, не тот случай, когда можно пренебречь средствами личной гигиены и отправился в ванную комнату. Достал из настенного ящичка упаковку презервативов, взятую на сдачу в аптеке полгода назад, в период, когда был особенно популярен у женщин, вскрыл и вернулся в спальню.

Девушка спала. Широко раскинув руки, она лежала на спине лицом к окну, из которого нескончаемым потоком лился лунный свет, и, подобно старому облаку-псу, беспокойно дышала.

Романов толкнул ее в плечо: раз, другой, третий, после чего сел рядом на кровать и горько вздохнул.

«И чего приходила?» – спросил себя.

Наклонившись к лицу девушки, принялся к ее дыханию. Осмотрел вены на руках и, решив, что отсутствия перегара, а также следов от укусов ни о чем не говорит, кроме как о том, что она не пьет и не колется перед тем, как посещать одиноких мужчин, снова задался вопросом: кто она и что ей от него надо.

«То, что она не наркоманка и не пьяная – это я уже понял. Как и то, что до английской королевы, ей как до Луны – сестры Гелиоса. Хотя за принцессу какого-нибудь борделя, может, и сойдет... А если она не сосед и не королева, то кто тогда? Летавка? Мавка? Манья?»

Вспомнив, что перед тем, как раздался звонок в дверь, мимо необыкновенно бледной Луны на необычайно тихий город упала звезда, Романов поежился. С опаской посмотрел на спящую девушку и, с мыслью о том, что утро вечера мудренее, вышел в зал. Не раздеваясь, лег на диван и снова подумал, что в ночь, подобную этой, почему-то охотно верится во всякую чертовщину.

21 июля

Проснулся Романов оттого, что на него пристально смотрела укутанная с головы до ног в пододеяльник ночная гостья. Не давая прийти в себя после сна, тут же потребовала объяснений: где они в данный момент находятся и кто он, собственно говоря, такой.

Романов поморщился – мало того, что окончание предыдущего дня было испорчено по ее вине, так еще и наступившее утро, судя по вопросам и тону, каким эти вопросы были заданы, не предвещало ничего хорошего.

Стараясь не раздражаться, Романов ответил, что в данный момент времени она находится в его квартире на бульваре Карла Маркса, куда, кстати говоря, ее никто не звал.

– Тогда каким образом я попала к вам? Можете сказать?

Романову мог. Но не сказал. Решил: поскольку ночная гостья, скорее всего, принадлежит к той ненавистной ему категории женщин, которым прежде чем согрешить, необходимо время для того, чтобы найти себе оправдание, то и говорить правду, особенно всю, нельзя – обидится.

«Мало того, – со злостью подумал он, поднимаясь с дивана, – что такие женщины, прежде чем лечь с мужчиной в кровать, ему всю душу вынут, так они еще и в кровати замучают раскаянием по поводу случившегося грехопадения. А что особенно противно: замучают задолго до того, как успеют по-настоящему пасть».

Решив, что девушка, задавая дурацкие вопросы, общий смысл которых сводился к тому, что не случись с ней необъяснимого умопомрачения, не оказалось б в его постели, придуривается, Романов грубо обнял ее за талию и сказал, что она упала, точнее, свалилась в его кровать прямо с неба.

Последнее слово фразы совпало со звуком пощечины, которую девушка отвесила Романову. После чего ткнула ногтем указательного пальца ему в лицо и, крепко сжав губы, прошипела, чтобы он даже думать не смел прикасаться к ней.

– И хамить мне тоже не советую! Ясно вам?

На всякий случай Романов согласно кивнул – ясно.

– Я еще раз спрашиваю: как я попала сюда? Кто вы такой? Почему мне ваше лицо кажется знакомым?

Не зная, как описать ночное происшествие, дабы не вызвать у девушки нового приступа агрессии, Романов сказал, что она сама пришла к нему в полночь в одной ночной рубашке, и что он, Романов Василий Сергеевич – серьезный человек – здесь абсолютно не при чем.

Услышав имя хозяина квартиры, девушка удивленно захлопала ресницами. Ее по-детски наивные глаза, черные брови – две широкие дуги, сросшиеся над тонким носом с горбинкой, – пухлые губы, принявшие форму бантика, выразили одновременно удивление и испуг.

Спросила: не тот ли это писатель Василий Романов, которого наградили какой-то литературной премией за рассказ «Записки аргонанта».

Стараясь выглядеть как можно скромнее, Романов согласно кивнул: тот.

– Только не за рассказ, а за стихи, – уточнил он. – И не наградили, а наградят... Сегодня днем.

– Ну, конечно же! – девушка всплеснула руками. – Как же я вас сразу не узнала! Про вас же столько в новостях говорили! И потом еще передачу по телевизору показывали!

Польщенный словами девушки, Романов опустил глаза. Не зная, чем заполнить возникшую паузу, встал с дивана и предложил ей переодеться в платье бывшей жены.

Девушку звали Медея. Лет ей было двадцать пять-двадцать шесть. Высокая, около ста семидесяти сантиметров, смуглая грузинка с длинными черными волосами, она производила

впечатление крайне неуверенного в себе человека, для которого возникновение одной проблемы вело к появлению ряда других. Романов поговорил с ней буквально пять минут и выяснил: во-первых, она не помнит, с какой целью пришла к нему, хотя, скорее всего, притворяется, что не помнит, и, во-вторых, даже если она действительно не помнит с какой целью пришла к нему, то признаваться в этом не станет – постыдиться. Так, объясняя свое столь необычное появление в столь неурочный час, Медея сослалась на некие обстоятельства, вынудившие искать приюта в первой попавшейся квартире, и на какую-то медицинскую тайну, разглашать которую в силу различных обстоятельств ей бы не хотелось.

Что это за обстоятельства и что за тайны, из-за которых девушка разгуливала по городу босиком в одной ночной рубашке, Романов выяснять не стал – ему было достаточно того, что она сказала и сказала, скорее всего, неправду. Зато он с удивлением узнал о том, что Медея заблудилась. Адреса своего дома она не помнила (помнила лишь то, что ее семья проживала в каком-то пригородном поселке), и о том, как доехать до этого поселка, не имела ни малейшего представления. Ни один из известных ей телефонов: домашний, отцовский, сестринский не отвечал, в чем Романов не преминул убедиться лично, что же касается телефона брата Георгия, то ему она не звонила в прошлом и не собиралась звонить в будущем.

Тогда Романов попросил Медею вспомнить имена знакомых людей, к кому при случае можно было бы обратиться за помощью.

Медея в ответ виновато развела руками и сказала, что долгое время жила за границей и обзавестись новыми знакомыми не успела.

– Тогда, быть может, вы вспомните старых?

Медея и тут не могла ничем помочь себе. Из города, по ее словам, она уехала двенадцать лет назад, и никого, кроме уже не работающей у них прислуги: Нино Жвания – дальней родственницы жены отца, тети Нюры, говорят, уже умершей, а также садовника дяди Миши и сторожа Толика, не помнит.

От этих слов у Романова окончательно испортилось настроение. В кратковременное умопомрачение девушки он по-прежнему не верил, и что с ней делать дальше не знал.

Подумал: «А не выгнать ли ее от греха подальше?»

Словно угадав его мысли, Медея сказала, что ей было всего четырнадцать лет, когда отец после смерти мамы отправил ее в Швейцарию.

– Я здесь, как в гостях, никого не знаю, ни с кем не знакома! Если со мной вдруг что-то случится, мне даже помочь будет некому... Я вот еще погощу чуть-чуть и снова улечу отсюда!

Представив, как полночная звезда, чиркнувшая по краю неба, чиркнет через денек другой в обратную сторону, Романов усмехнулся.

«Нет, – подумал он, – надо гнать ее от себя пока не поздно!»

Но то ли было уже поздно, то ли, наоборот, еще рано, но выгонять Медею Романов не стал. Мало того, решив разобраться в том, почему ему, человеку, воспитанному в духе любви к ближнему, пришла в голову мысль выставить за порог потерявшуюся в городе девушку, внезапно понял, что не прочь познакомиться с ней – поговорить, привыкнуть к ее необычной и оттого притягательной внешности – носу с горбинкой, узким глазам, внешний уголок которых вздернут чуть вверх, губам, постоянно сжатым так, словно кто-то ее незаслуженно обидел и, если повезет, завязать отношения.

Решив так далеко не загадывать, Романов встал с кресла. Сказал, что попросит товарища, работающего в полиции, заняться ее проблемами. После чего посмотрел на часы и, извинившись, уточнил: попросит заняться ее проблемами вечером, поскольку буквально через три часа состоится вручение ему литературной премии имени Дашкевича.

Ясон в Иолке (Из рассказа «Записки Аргонавта»)

Так устроена жизнь. Многое из того, что еще вчера казалось необыкновенно важным, сегодня, с высоты прожитых лет, представляется пустым и никчемным, как то далекое путешествие к берегам Колхиды на «Арго», в полуденной тени которого я как раз прилег отдохнуть. Мог ли я тогда, в дни своей бурной молодости, подумать о том, что любовь богов непостоянна, как непостоянны ветра в горах Пелиона, а золотое руно, скрытое Ээтом в священной роще Ареса, сделает меня несчастным? Нет. Но именно так всё, увы, и произошло. Боги, до этого благоволившие мне, как до этого не благоволили никому из смертных, отвернулись, едва потрепанный бурями «Арго» возвратился в гавань Иолка, и больше ничем не напоминали о себе. Быть может, позавидовали они славе моей столь громкой, что докатилась она до вершины Олимпа, а может, посчитали, что сделали для меня – героя Ясона – все, что могли...

Тиран Пелий – сын владыки моря Посейдона – отнял у моего отца и своего сводного брата – царя Эсона – город Иолк и отказался приносить жертвы богам. Не всем, конечно, но тем, кому ничего не досталось, это не понравилось. Кто-то из них надоумил отца спрятать меня – новорожденного младенца, которому по праву принадлежала власть в Иолке, подальше от глаз тирана, и через двадцать лет, явить ему в наказание за жадность и непомерную гордыню.

За те двадцать лет, что провел у мудрейшего из кентавров Хирона, я – Ясон – обучился многому: сражению на мечях, стрельбе из лука, кулачному бою, а главное, пониманию того, что жизнь в пещере – не та жизнь, которой я – сын и внук царей Фессалии – достоин. И потому, как только истек срок моего ученичества, накинул я на плечи шкуру леопарда, взял два острых копья и, тепло попрощавшись с Хироном, возвратился в Иолк, незаконно захваченным моим дядей тираном Пелием.

– Мы с тобой одного рода и не должны проливать кровь друг друга, – выставив вперед босую ногу, строго сказал ему при встрече. – По этой причине я – Ясон – предлагаю оставить себе богатства, что отнял ты у моего несчастного отца – и добровольно вернуть власть над Иолком, принадлежащую мне по законному праву родства.

Увидев меня, преисполненного праведного гнева, а, также услышав мои резкие, но справедливые слова, тиран испугался.

– Хорошо, я согласен, – прошептал он, не поднимая глаз от стыда и страха. – Но с одним условием: за это должен ты будешь умиловить подземных богов. Тень умершего в далекой Колхиде брата моего Фрикса молит нас отправиться туда и завладеть золотым руном. Да и в Дельфах стреловержец Аполлон повелевал мне тоже самое... Только вот беда – стар я, боюсь, не осилю столь великий подвиг. Ты же молод и, как погляжу, полон силы – соверши его, докажи, что достоин стать царем.

Много лет прошло со времени того разговора. И все эти лета я спрашивал себя: «Надо ли мне было соглашаться на предложение тирана Пелия?» И каждый раз отвечал себе: как я мог не согласиться, если весь мир, затаив дыхание, замер в предвкушении подвигов, которые я – Ясон – совершу на зависть потомкам.

А что же тиран Пелий? Не знаю. Дрожащий от страха старик стал мне после этого разговора неинтересен – победы не над таким жалким противником жаждала моя душа. Она жаждала другого – подвигов, опасных приключений, громких побед и великой нескончаемой славы.

От мысли добыть золотое руно, находящегося за пределами ойкумены, а с ним и великую славу, закружилась голова не у меня одного. Десятки юношей-героев со всех концов Эллады вызвались помочь мне.

Вот их имена: сыновья Зевса – Геракл и Кастор с Полидевком; Акаст, Теламон – отец Аякса, гордость Афин – Тесей и друг его – Пирифой, Мелеагр с Аталантой из Калидона, кормчий Тифий, прорицатель Мопс, братья Идас и Линкей, Бут, Полифем, Евриал, Девкалеон, Авгей, Еврит, Эфалид, Анкей, Нестор, Адмет, Евфем, Пелей, Аргос, Периклимен, Идмон, Кеней, Армений, Филоктет, Менетий, Талай, Эвфем, Ификл, Лаэрт, Корон, Пеант, Аска-

лаф, Эхион, Оилей, Клитий, Автолик, Ифит, Амфидамант, любимец Геракла – Гилас и певец Орфей.

(Возможно, двух последних не совсем правильно причислять к героям, и уж совсем неправильно к юношам, но без них долгое путешествие для многих из нас – юношей и героев – стало бы в тягость.)

Сегодня, по прошествии стольких лет, невозможно даже представить, насколько я был горд оттого, что принимал у себя в Иолке тех, чьи имена гремели по всей Элладе! И только чувство облегчения, написанное на лицах сородичей в момент прощания с ними, заставляло умерить восторг и задаться вопросом, кто они, мои спутники – герои, в веках прославившие свои имена, или люди, от имен которых еще много веков будут содрогаться сородичи.

Впрочем, чего мне – Ясону – было опасаться, думал я, если сами боги оказывали мне всемерную поддержку? Афина Паллада вделала в корму пятидесятивесельного корабля, построенного мастером Аргом и названного в его честь «Арго», кусок дуба из священной рощи оракула Зевса, Гера пожелала удачи, а стреловержец Аполлон предсказал ее. Я, конечно, решил, что мне – Ясону – опасаться нечего, и с мыслями о грядущей славе, принялся спокойно готовиться к дальнему походу.

***

У Председателя законодательного собрания области Виктора Дашкевича – высокого плотного человека шестидесяти лет, одетого в светлый костюм под цвет аккуратно уложенных седых волос, с самого утра болела печень. Не в силах усидеть на месте, он встал с кресла и подошел к журнальному столику, на котором стояла бутылка нарзана. Наливая в стакан воду, почувствовал, как с правой стороны тела боль горячей волной поднялась вверх, отвоевывая ранее замороженное болеутоляющими препаратами пространство, и медленно разлилась во рту густой горечью.

Сделав глоток, попросил своего помощника – Андрея Астраханцева доложить о том, как проходят испытание эликсира.

Не услышав в ответ ничего утешительного, еще раз вспомнил сказанные накануне слова Балахнина – советника Председателя правления принадлежащего ему банка «Нордик» – о том, что Андрей – сын его старого товарища Николая Астраханцева, вновь замечен в компании людей губернатора Ревы.

– Давайте закругляйтесь с испытаниями, – сказал Астраханцеву раздраженным голосом. – Даю еще четыре недели. К двадцать третьему августа все должно быть готово.

И тут Дашкевич понял, что его раздражало все эти дни.

Несвоевременность!

Узнал бы он о своей болезни на полгода раньше, когда в операции был хоть какой-то смысл, или, наоборот, на полгода позже, после того, как губернатор с позором будет изгнан в отставку, возможно, сейчас бы дышалось легче. А так...

Вспомнив о губернаторе, Дашкевич вернулся к столу. Взял папку с документами и принялся неторопливо перелистывать ее. Номера счетов в зарубежных банках, фамилии получателей, сплошь принадлежащие людям из администрации губернатора, схемы, по которым они выводили деньги из областного бюджета, даже при беглом осмотре выглядели весьма впечатляюще. А если приплюсовать к ним всё то, что он скрупулезно собирал со дня инаугурации, да придать этому богатству соответствующую огранку в виде хорошо продуманного информационного сопровождения, можно не сомневаться – импичмент Реве практически гарантирован.

В боку снова закололо, и боль снова распространилась по всему телу.

Дашкевич поймал себе на мысли о том, что много дней думает об импичменте, как о средстве против смерти. Свалит губернатора – выживет назло врачам, нет...

«Нет, нет, выживу! – принялся убеждать себя. – Ведь не напрасно же я потратил семьдесят миллионов рублей на доработку эликсира, сто тысяч священникам на молитвы и пятьдесят литераторам на премию! Неужто этих денег не хватит для того, чтобы донести до Всевышнего хотя бы одно доброе слово обо мне, грешном...»

Размышления Дашкевича прервал помощник, напомнивший о том, что с минуты на минуту в зале пресс-центра должна начаться церемония вручения литературной премии его имени.

Тяжело вздохнув, Дашкевич осмотрелся по сторонам – не забыл ли чего? – взял со стола очки и в сопровождении Астраханцева вышел из кабинета.

Когда Виктор Дашкевич появился в зале пресс-центра, собравшиеся там депутаты с помощниками, работники аппарата, журналисты, шепотом обсуждали появившийся слух о том, что на внеочередном заседании законодательного собрания области будет обнародован компромат на губернатора Реву. Так это или нет, толком никто не знал, но то, что такой компромат существует, то, что он не мог не существовать, судя по тому, с каким неприкрытым азартом крупные чиновники области лоббировали интересы крупного бизнеса, средние – среднего, маленькие – маленького, сомнений не вызывало.

Поздоровавшись с присутствующими, Дашкевич сел в центре президиума. Заместитель председателя областного отделения Союза писателей, напротив, встал при его появлении и, сделав важное лицо, трижды ударил шариковой ручкой по графину с водой. Подождал, когда собравшиеся утихнут, и произнес первые слова приветственной речи:

– Друзья! Сегодня у нас, литераторов, торжественный день...

Кивнув в такт первым словам оратора, Дашкевич сложил руки на столе. Опустил глаза и принялся думать о том, что на результат его борьбы с губернатором, может так случиться, повлияет не содержание компромата, на что он рассчитывал, когда затевал это дело, а элементарное количество сторонников в разных ветвях власти.

Обдумывая эту мысль, он внимательно осмотрел людей, сидящих в зале пресс-центра, и по их лицам, попытался определить: чью сторону они примут – его или Ревы.

«Депутаты, что находятся здесь, хотелось бы думать, мою. Журналисты, если не будут стопроцентно уверены в том, что я выиграю, губернатора... Остальные?»

Дашкевич задумался над тем: чем будет руководствоваться народ, например, писатели, когда встанут перед выбором: за кем идти.

«Фактами?»

Посмотрев на Романова, с лица которого не сходила глупая улыбка, с сомнением покачал головой. Решил, что руководствоваться они будут главным образом эмоциями и степенью приближенности к той или иной противоборствующей стороне.

«Значит, этот, скорее всего, примет мою сторону... Кстати, почему именно ему я отдал премию?»

Так и не вспомнив, по какой причине выбор пал на Романова, чьи произведения никогда не читал, как, впрочем, и произведения других соискателей, Дашкевич встал со своего места. Приветствуя вызванного к президиуму лауреата, широко улыбнулся и вместе со всеми захлопал в ладоши.

Поздравляя его и вручая грамоту, Дашкевич неожиданно для самого себя задался вопросом: как Романов поведет себя, если прямо сейчас взять да и лишит его премии.

«То, что он обидится и подумает, будто у него незаслуженно отняли законно нажитое, понятно... А потом?»

Решив, что потом, несмотря на неопровержимые факты коррупции в исполнительной власти, Романов в отместку станет поддерживать Реву, Дашкевич почувствовал легкое разочарование оттого, что учредил премию для таких неблагодарных людей, как писатели.

«Хотя чего тут разочаровываться, – секундой позже вздохнул он, крепко пожимая Романову руку. – За все надо платить. А уж за то, чтобы перед Всевышним замолвили за тебя, грешного, доброе словечко, тем более».

***

Романов находился в состоянии полного блаженства. Бредя по бульвару с бутылкой дорогого французского шампанского, он никогда не чувствовал себя столь счастливым, как в этот теплый июльский вечер. Всё, на что ни падал взгляд, казалось ему красивым, праздничным, ярким. Небо, несмотря на разбросанные над крышами домов клочья туч, голубым, каким оно бывает только летом в деревне, когда, лежа на спине, ни о чем не думая, смотришь в него; солнце ласковым, как на припёке ранней весной; жизнь – справедливой и бесконечной.

То, что жизнь справедлива, Романов, с некоторыми оговорками, считал и раньше, когда получал пинки и набивал шишки.

«Недаром же Иов терпел страдания за свою безграничную веру. Недаром Моисей мучил евреев пустыней сорок лет. Недаром я продолжал упрямо писать стихи, когда меня перестали печатать и замечать. Всё, всё было недаром, поскольку в итоге каждый из нас обрел то, чего хотел больше всего на свете: Иона – Бога, евреи – родину, я – признание и любовь своих читателей».

Еще раз вспомнив о том, какие добрые слова говорил ему Председатель законодательного собрания Виктор Дашкевич – интеллигентный и истинно мудрый человек, к тому же, как видно, хорошо разбирающийся в литературе – Романов решил, что небо с этого дня, несмотря ни на какие тучи, всегда будет только голубым, солнце – круглый год ласковым, жизнь, справедливая к таким парням, как он – счастливой и бесконечной.

Романов был настолько погружен в радостные впечатления, распиравшие его, подобно тому, как мясной пирог распирает живот оголодавшего бедняка, что, только вставив ключ в прорезь замка, вспомнил о происшествии, случившемся с ним этой ночью, а следом и о той, с кем это происшествие было связано.

Медея! От этого имени у Романова защемило сердце. Как же он нехорошо повел себя с ней.

«Сирота, с четырнадцати лет живущая вдали от дома, заплутала ночью в незнакомом городе, а я, старый развратник, чуть было не воспользовался ее беспомощностью! Как я мог?»

Желая немедленно искупить вину, Романов, на ходу открывая шампанское, бросился в квартиру. Обежал ее, но ни в одной из четырех комнат девушку-грузинку не нашел. Заглянул на кухню, в туалет, в ванную комнату, вышел на балкон, вернулся в зал – везде было пусто.

Не зная, что и думать, Романов сел в кресло. Почувствовав дискомфорт, привстал и с удивленьем обнаружил, что сидит на скомканном платье бывшей жены, в котором еще утром ходила Медея.

«Она что, ушла в одной ночной рубашке? И куда она могла уйти в таком виде, тем более, что знакомых, по её словам, в городе нет, и как добраться до дома она не знает?»

Он осмотрел комнату и то, что увидел, ему не понравилось.

Ваза с сухими цветами, больше года стоявшая на журнальном столике рядом с торшером, валялась на ковре, угол ковра был загнут, словно кто-то споткнулся об него второпях, а на светлой обшивке дивана виднелись три небольших бордовых пятнышка.

Потрогав их ногтем, Романов еще раз огляделся по сторонам. Перебрал по памяти предметы, от соприкосновения с которыми они могли появиться, и пришел к твердому убеждению, что таких предметов у него в квартире точно нет.

Весь вечер Романов не находил себе места. То он порывался звонить в полицию, чтобы заявить о похищении человека, то искал ответы на вопросы, которые, как полагал, обязательно последуют после того, как он решится снять телефонную трубку и набрать 02.

«Кем вы ей приходитеесь?»

«Как ее фамилия?»

«Почему полуголая девушка позвонила именно в вашу квартиру, расположенную на четвертом этаже, а не в квартиру этажами ниже?»

Наконец: «За что вам привалило такое счастье?» и, конечно же,

«Сколько ты, мужик, вчера выпил?»

Поняв, что ни один здравомыслящий полицейский палец о палец не ударит для того, чтобы помочь разобраться в том, что случилось с Медеей, и в каком-то смысле с ним самим, Романов решил, во-первых, успокоиться, а во-вторых, все хорошенько обдумать.

Для этого он снова сел в кресло перед выключенным телевизором. Закрыв глаза и, представив губы Медеи, сжатые так, словно она была заранее уверена в том, что ей некому помочь, несколько раз глубоко вздохнул.

Решив с самого начала придавать значение только очевидным фактам, и только на их основании делать выводы, не подлежащие двойному толкованию, отмотал в своем воображении время на сутки назад. Оставив без внимания то обстоятельство, что Медея позвонила в его дверь после того, как мимо необыкновенно бледной Луны на необычайно тихий город с неба упала звезда, сразу перешел к картине ее появления.

«Она стояла в длинной ночной рубашке, из-под края которой выглядывали голые стопы с аккуратно покрашенными ногтями, и несла какую-то чушь про Ээта, Медею, Ясона и Селену – сестру Гелиоса».

Романов задумался. Что-то в этой фразе было не так. У него появилось чувство легкой тревоги, которое иной раз возникает, когда в хорошо знакомый мотив вкрадывается фальшивая нота.

Он повторил ее еще раз, вслух:

– Она стояла в длинной ночной рубашке, из-под края которой выглядывали голые стопы с аккуратно покрашенными ногтями...

Почесал лоб и после некоторого раздумья, догадался-таки, что именно смущало его.

А смущали его слова о том, что, несмотря на дождь, практически не прекращавшийся до самого вечера, ноги у девушки были сухими и чистыми.

«И что из этого следует?» – спросил себя.

«А следует из этого то, что девушка не пришла ко мне, а, по всей видимости, приехала. И не сама, сама она этого сделать не могла, поскольку ключей от машины у нее не было, а с шофером».

Романова охватило беспокойство. То, что в этом деле был задействован кто-то еще, навело на неприятные размышления о заранее спланированном действии.

Он вскочил с кресла. Прошелся по комнате и, словно желая ускорить ход мыслей, принялся массировать виски подушечками пальцев.

«Если это было заранее спланированное действие, и Медею с умыслом привезли ко мне на машине, иначе ее ноги обязательно были бы запачканы, по какой причине у меня в квартире пролилась кровь? Или ее насильно похитил кто-то другой? Или...»

Романов подумал, что появление в его квартире Медеи, возможно, лишь продолжение житейской истории о том, как некая девушка, пришла в гости к своему возлюбленному – одному из его, Романова, соседей – переделась в ночную рубашку, а потом, обидевшись на что-то, сбежала.

«А разозлившийся возлюбленный, после того, как я на следующий день ушел получать премию, нашел Медею у меня в квартире, избил до крови и увел с собой».

Решив проверить это предположение, Романов отправился к соседям. Ему не терпелось выяснить: не приходила ли вчера вечером к кому-нибудь девушка, и если нет, не видел ли кто чего подозрительного этой ночью.

Оказалось, видели. Старушка Нелли Витальевна, живущая на втором этаже, поведала о том, что где-то около двенадцати часов ночи, случайно выглянув в окно, она увидела девушку, одетую, как ей показалось, в одну сорочку. Девушка спустилась с заднего сиденья легкового автомобиля, то ли большого, то ли высокого, то ли черного, то ли зеленого, и вошла в их подъезд.

Поблагодарив Нелли Витальевну, Романов вернулся к себе домой. Вышел на балкон и, закинув руки за голову, обнаружил, что небо, еще два часа назад казавшееся вечно голубым, безнадежно потемнело.

Ясон на острове Лесмос (Из рассказа «Записки Аргонавта»)

Едва нависшая над Иолком туча, похожая на свернувшегося в клубок лохматого пса, озарила пурпурным светом утренней зари, гребцы, дружно взявшись за весла, вывели корабль из гавани. Подчеркивая торжественность момента, Орфей тронул струны золотой кифары и запел гимн богам. Услышав его, из глубин моря поднялись диковинные рыбы. Очарованные голосом певца, высунули они из воды острые плавники свои и, окружив «Арго» плотным кольцом, поплыли вслед за ним подобно веселой ватаге мальчишек, провожавшей из города уличного музыканта.

Вот так – трогательно, а вместе с тем торжественно и празднично – началось приключение, сделавшее меня самым великим и вместе с тем самым несчастным героем Эллады из всех, когда-либо живших на ее земле.

То, что с героями Эллады придется нелегко, я – Ясон – после долгих склок и споров выбранный предводителем похода – понял уже на Лемносе – цветущем острове, куда пристали мы для того, чтобы пополнить запасы пресной воды. Едва узнав о том, что мужчин на острове нет (если верить слухам, их перебили жены за постоянные измены), все, за исключением Геракла, уединившегося на корабле со своим любимчиком Гиласом, кинулись в объятья истосковавшихся по мужским ласкам женщин. Жертвоприношения богам, заканчивающиеся обильными возлияниями, следовали за жертвоприношениями, пиры сменялись пирами, праздники праздниками, и никто за многие месяцы, проведенные на острове, даже не вспомнил о том, ради чего покинули мы дома свои. Более того – ни один из тех, кто в храме Аполлона торжественно клялся вернуть золотое руно в Фессалию, не откликнулся на мой призыв продолжить начатое путешествие. Герои просто не слышали меня! И только когда рассерженный Геракл тайно вызвал аргонавтов к себе на корабль и, осыпав их гневными упреками за то, что ради веселой жизни позабыли они об обещанных подвигах, опомнились. Не слушая слезных причитаний выбежавших на берег женщин, снарядили «Арго» и, взявшись за весла, вывели его в открытое море.

Последней в ряду женщин стояла царица Лесмоса Гипсипила. Кусая губы, она одной рукой поддерживала большой живот, внутри которого зрела моя – Ясона – плоть, а другой долго-долго махала вослед навсегда уходящему кораблю.

22 июля

Весь следующий день Романов принимал у себя гостей, среди которых, к его большому огорчению, не было ни одного собрата по перу. Выслушивал не блещущую писательским мастерством однообразную похвалу в свой адрес, думал, пил и снова думал. Сначала о том, что ему наплевать на Медею – чокнутую грузинку, разгуливающую по ночному городу в одной ночной рубашке. Затем о том, что ему, человеку, с детства воспитанному в любви к ближнему, нехорошо наплевать на Медею – чокнутую грузинку, разгуливающую по ночному городу в одной ночной рубашке. Затем о летавках с мавками, способных, по словам стариков, приворожить любого приглянувшегося мужчину и, наконец, о том, что заставило вплотную заняться поисками Медеи – о мотивах ее появления.

Вечером, проведив до остановки последнего гостя, Романов в тускло освещенном подъезде случайно, плечом в плечо, столкнулся с незнакомым человеком в зеленой фетровой шляпе. Вежливо извинившись, поднял на него глаза, и сам не зная отчего, испытал панический страх. Ему вдруг показалось: сейчас тот сунет руку в карман плаща, вынет длинный нож и ударит его прямо в сердце.

Человек в шляпе, приняв извинения, молча прошел мимо.

Вернувшись в квартиру, Романов сел в кресло перед выключенным телевизором. Вытер испарину со лба и, переведя дух, задумался о причинах возникшей паники.

«Зачем? – спросил он себя. – С какой целью она приходила ко мне? И добилась ли ее? А если не добилась, что тогда? Что еще может случиться? Меня должны будут приворожить, убить в подъезде длинным ножом или погубить каким-то другим способом? Что ей от меня надо?»

Решив, что зацепкой, с помощью которой он сможет найти Медею, а с ней и ответы на интересующие его вопросы, является единственная прозвучавшая из ее уст фамилия – Нино Жвания, достал с книжной полки старый, изданный еще в советские времена, телефонный справочник. Открыл его на букве ж и к своему немалому удивлению обнаружил то, что искал.

Он набрал указанный номер, предварительно добавив к нему цифру «два», введенную после издания справочника, и попросил женщину, снявшую трубку, пригласить к телефону Нино.

Женщина долго молчала. Потом спросила старушечьим, хриплым голоском:

– Зачем?

Романов представился. Сказал, что хотел бы расспросить ее об одном человеке.

После короткой паузы последовал не менее короткий вопрос:

– Каком человеке?

Уловив в словах женщины кавказский акцент, Романов в свою очередь поинтересовался: не с Нино ли он говорит.

Женщина ответила: да, с Нино. И снова повторила вопрос: о ком он хочет говорить с ней.

Нино Жвания, как понял Романов из дальнейшей беседы, сколь короткой, столь и бестолковой, либо действительно ничего не знала об интересующем его деле, либо не хотела разговаривать о нем.

Мысленно обругав ее, он вежливо извинился за беспокойство. Попрошался, и перед тем, как повесить трубку, спросил на всякий случай: не могли бы они как-нибудь встретиться, поговорить.

Нино какое-то время молчала, обдумывая поступившее предложение, потом тяжело вздохнула и, к вящей радости Романова, пригласила его на следующий день к себе в гости.

23 июля

Нино Жвания ничуть не походила на тот образ, который Романов нарисовал в своем воображении после телефонного разговора с ней. Вместо хмурой, неприветливой старухи, он увидел тихую сорокалетнюю женщину с обветренным лицом и темными испуганными глазами. Одета в прямое длинное платье, она была похожа на хозяйку, не успевшую вовремя подготовиться к приходу гостя, и по этой причине испытывающую волнение с плохо скрываемым недовольством собой.

Закрыв входную дверь на ключ, Нино проводила Романова в комнату, заставленную старой, но еще хорошо сохранившейся мебелью: журнальным столиком, расположенным между двумя креслами с деревянными подлокотниками, узким диваном и полированной тумбочкой, на которой стоял телевизор «Радуга».

Кивнув в сторону одного из кресел, предложила Романову присесть.

Спросила: не голоден ли он.

Получив ответ: нет, не голоден, рассеянно оглядела комнату. Не зная, как вести себя в присутствии незнакомого мужчины, остановила взгляд на свободном кресле и, немного подумав, села на краешек.

– Что вас интересует?

Романов ответил: его интересует Медея – девочка, у отца которой она работала.

– Скажите, Медея действительно живет в Швейцарии, а сюда приезжает на время? Где ее можно найти?

Всё то время, что Романов задавал эти и другие вопросы, Нино внимательно изучала его лицо. То ли по словам, интонациям, мимике, хотела понять: кто он такой, что он такое спрашивает, и спрашивает ли то, что на самом деле хочет знать, то ли выискала в нем черты, которые привыкла видеть в лицах других людей.

Встретившись взглядом, она смущенно опустила глаза. Комкая платье на коленях, сказала, что ей обо всем этом, к сожалению, мало что известно. Медею она толком не видела с тех пор, как Давид Дадиани – отец девочки – отправил ее в Европу, а самого Давида – ровно восемь лет.

Романов спросил: где живут Дадиани.

– Раньше они жили в поселке Заливное, – ответила Нино, – но недавно оттуда съехали.

– Куда?

Нино пожалала плечами. Сказала, что два месяца назад Давид, по словам соседей, оставил им ключи от дома, чтобы они присматривали за ним в его отсутствие, а сам с детьми и собакой перебрался на новое место.

Больше о Медее она ничего не знала. И только в конце разговора, когда Романов стал собираться, вспомнила о том, что буквально несколько дней назад звонил Толик Пинчук – бывший охранник Дадиани – и передавал привет от Медеи. На вопросы Романова: чем занимается Давид, что ему требовался охранник, и где найти Пинчука, сообщила: Давид занимался исследованиями в области химии, а охранник ему потребовался после того, как родственники второй жены грозились убить его.

– А найти Толика просто. Он живет в деревне рядом с Заливным. Липовка называется.

Нино замолчала. Увидев, что Романов привстал со своего кресла, торопливо сказала, что если у него есть еще какие-нибудь вопросы, пусть не стесняется, спрашивает.

Романов сел на место. Спросил: по какой причине Давид Дадиани отправил четырнадцатилетнюю дочь за границу.

– Она заболела, – ответила Нино.

– Чем?

Нино медленно провела ладошкой по волосам. Положив руки на колени, виновато сказала, что поскольку Давид был женат на её близкой родственнице, ей нехорошо говорить об этом, тем более что болезнь Медеи относится к тем болезням, о которых мужчинам лучше не знать.

– Ну что же, не знать, так не знать, – не стал настаивать Романов.

Он поднялся с кресла и, широко улыбнувшись, попросил хозяйку проводить его до двери.

– Может, чайку? – предложила та.

Романов отрицательно покачал головой.

– Тогда водки? Или нет – чачи! У меня есть замечательная чача! Ее все русские мужчины любят... Не отказывайтесь, идемте!

Поскольку дело близилось к вечеру, а серьезных причин отказываться как от водки, так и от чачи не было, Романов хоть и не сразу, но все же согласился задержаться буквально на пять-десять минут.

Нино почти не пила. Продолжая выискивать в лице Романова нечто такое, что привыкла видеть в лицах других людей, она весь вечер смотрела на него так, словно, по-прежнему, не могла понять: кто он такой, что он такое говорит, и действительно ли говорит то, что думает.

Впрочем, понять, о чем Романов думает было несложно. Несмотря на то, что говорил он много и на разные темы, всё сказанное им можно было уместить в одну фразу: «Во всех неприятностях виноваты женщины». Развивая мысль, поведал историю взаимоотношений Пушкина с Натальей Гончаровой, которую в качестве примера приводил всякий раз, когда хотел показать, до каких бед доводит поэтов любовь к ветреным красавицам. Подробно остановился на эпизоде, когда экипаж Натальи встретился Пушкину на дворцовой набережной, в то время как сам Пушкин вместе со своим секундантом Данзасом направлялся на Черную речку, и горько посетовал на то, что супруги, разъехавшись по разным сторонам дороги, не заметили друг друга.

– Такое, к сожалению, случается. Жена Пушкина, как известно, была близорука, а сам Александр Сергеевич, видимо, погруженный в тяжелые думы о предстоящей дуэли, смотрел в другую сторону.

Внезапно Нино приподнялась со стула. Выпрямилась и ласково погладила Романова по щеке.

Романов умолк. Увидев то, с каким напряжением она всматривалась в его лицо, ожидая ответной реакции, понял, что теперь у него есть только два пути. Один – сделать вид, будто ничего особенного не произошло, и как ни в чем не бывало продолжать рассказывать любовные истории поэтов. Другой – начать творить любовную историю самому.

Решив не обижать женщину, он осторожно взял ее за руку. Потянул на себя: раз, другой и на третий посадил себе на колени.

Нино дарила любовь с благодарностью существа, потерявшего последнюю надежду еще раз испытать это чувство. Уткнувшись Романову в ключицу, она то с придыханием говорила по-русски слова, смысл которых терялся в грузинских окончаниях, то вжималась в него, словно желала раствориться в нем, то лежала на его груди с закрытыми глазами и тяжело дышала.

Романов ласково гладил ее по голове, а сам думал о том, что ситуация, в которой оказался, крайне унижительна для него. Что это не она – он должен быть благодарен за нежность и ласку, он должен уткнуться губами в ее ключицу и с придыханием говорить о любви, словами, как кислотой, до последней косточки растворяя себя в ее теле.

«Только ведь ничего такого не хочется... Совсем... Вот если бы на ее месте оказалась Медея...»

Еще раз проведя ладонью по голове Нино, он представил себе, что гладит волосы другой грузинки, которая, как казалось, была искренне уверена в том, что кроме него нет в мире человека, способного бескорыстно помочь ей.

Нино приподнялась над диваном. Внимательно вглядываясь в лицо Романова, спросила: о чем он думает.

Романов отрицательно покачал головой: ни о чем. Помолчал несколько секунд и задал вопрос: когда, если не секрет, она в последний раз занималась любовью.

– Почему ты, Василий, спрашиваешь об этом? – забеспокоилась Нино. – Я что, дала повод? А впрочем...

Словно испугавшись того, что Василий и без ее подсказки, назовет правильный ответ, который в его устах мог прозвучать насмешливо и даже оскорбительно, назвала цифру восемь.

– Чего восемь? Месяцев или дней?

– Лет.

Романов присвистнул от удивления. И тут же торопливо извинился.

– Ничего, – сказала Нино. – Мне нечего стыдиться. Восемь лет я видела мужчин лишь сквозь решетку. Да и тех лучше бы не видеть вовсе.

– Ты сидела? – ахнул Романов.

Нино согласно кивнула.

Не зная, что сказать, Романов задумчиво почесал лоб, молча осмысливая гигантскую цифру восемь, тождественную в его понимании выражению «часть жизни».

– За что ты угодила в тюрьму?

Решив говорить правду до конца, раз уж начала ее говорить, Нино, нехотя, ответила:

– За то, что убила мужа.

24 июля

Откинувшись на спинку кресла, Дашкевич молча разглядывал помощника Андрея Астраханцева – высокого безукоризненно одетого шатена тридцати лет, стоявшего чуть поодаль от советника Председателя правления банка Дмитрия Балахнина – лысого пожилого мужчины с вечно опущенными глазами, и пытался по их виду угадать цель визита. По тому, что они вошли вместе, сделал вывод: событие, которое собрало их, важное, и, судя по легкому возбуждению Астраханцева, возможно, даже не совсем плохое.

– Что стряслось на этот раз? – спросил он.

– Виктор Олегович, – начал Астраханцев, – вы помните Слова Давида о том, что истинность золотого руна определяется Ясоном?

– Помню. Золотым руном хвалятся многие, но лишь те, к кому приходит Ясон, действительно обладают им... Ну, так в чем проблема?

Астраханцев ответил: проблема всё в том же – в испытании золотого руна, а точнее, в Ясоне, чье появление означало бы его успешное завершение.

– Тут вот какое дело, Виктор Олегович... По словам Давида, человек, желающий выкрасть золотое руно, назовем его для удобства Ясоном, согласно легенде, перед тем как это сделать, должен пройти ряд испытаний, носящих большей частью мистический характер, связанных каким-то образом с процессом делания вещества... Сначала, грубо говоря, он должен соблазнить мужеубийцу. Затем убить своего доброго знакомого. После этого одолеть в кулачном бою заведомо более сильного противника, освободить старика от дев-гарпий, отнимающих у него последнюю пищу, и, наконец, заставить дочь владельца золотого руна, назовем ее, как и в древнегреческом мифе об аргонавтах Медеей, стать пособницей в воровстве.

Почувствовав боль в правом боку, Дашкевич поморщился. Внимательно слушая Астраханцева, он поднялся с кресла и подошел к столику в углу кабинета, на котором стояла бутылка нарзана. Подумал, что еще каких-то полгода назад он – материалист до мозга костей – задушил бы любого, кто позволил себе в его присутствии нести подобные бредни.

– Иными словами, – перебил он Астраханцева, – до тех пор, пока не объявится Ясон и не совершит пять обязательных подвигов, говорить о том, что опыт Давида прошел успешно, нельзя? Так?

Астраханцев отрицательно покачал головой: нет, сказал он, не так – существуют масса других способов проверки свойств полученного вещества, правда, куда более длительных.

– Впрочем, и Ясон у нас, кажется, тоже начинает потихоньку вырисовываться. А вот что касается Медеей, то она уже нашлась... Как тут недавно выяснилось, у Давида, кроме Софики, есть еще одна дочь, имя которой, вы не поверите, Виктор Олегович – Медея!

Дашкевич сделал большой глоток воды. Со стаканом в руке вернулся к рабочему столу и сел, откинувшись на спинку кресла. Спросил: почему никто не знал о ее существовании раньше, и какое отношение она имеет к опытам отца.

В разговор вступил Балахнин. Отвечая на первый вопрос Дашкевича, сказал, что Медея Дадияни постоянно живет в Швейцарии, где лечится в одной из частных клиник. В России бывает наездами.

– В этом году она приехала в Мыскино в начале июля. Некоторое время, по нашим сведениям, не проявляла особой активности, а четыре дня назад, когда они с сестрой выбрались в город, где у Софики есть квартира, пропала. И обнаружилась только поздно утром.

– Где она провела ночь, выяснили?

– Да. У Василия Романова.

«У Василия Романова», – мысленно повторил Дашкевич.

Уточнив: не тот ли это Романов, которому неизвестно за что подарил пятьдесят тысяч рублей, подумал, что совпадение имен, как и любое другое совпадение, можно не сомневаться, вызвало у Балахнина ряд вопросов. Однако вряд ли эти вопросы, как и неожиданное появление в этом деле Василия Романова, заставило его прийти вместе с Астраханцевым.

«Нет, тут должно быть что-то еще!»

Как бы подтверждая эти мысли, Астраханцев громко, так, как обычно провозглашал события, заслуживающие особое внимание, заявил, что на следующий день после встречи Медеи с поэтом, началось, пожалуй, самое интересное. А именно: поэт Василий Романов отправился в гости к некой Нино Жвания, где и заночевал.

– Всё бы ничего, Виктор Олегович, да только Нино Жвания не далее, как три недели назад освободилась из тюрьмы, где сидела за убийство... И кого бы вы думали? Собственного мужа!

Дашкевич хотел спросить: а жив ли он там вообще, этот Романов. Но тут же забыл об этом, осознав всю важность сказанного.

«Это что же получается? – подумал он. – Соблазнив мужеубийцу, Романов повторил первый шаг Ясона на пути к золотому руно, чем подтвердил факт его существования? Так что ли?»

Почувствовав, что боль в боку отступила, встал с кресла. Сдерживая волнение, нарочито медленно прошелся по кабинету.

«И какой из всего этого можно сделать вывод? – спросил себя. – То, что золотое руно – не вымысел греческих гомеров? И эликсир жизни тоже? И то, что сама жизнь – реальность, к которой я еще какое-то время буду иметь непосредственное отношение?»

Остановившись напротив Балахнина, спросил: что они собираются делать дальше.

Балахнин ответил: следить и ждать.

Астраханцев в свою очередь добавил, что Давид Дадияни, узнав о том, что в городе появился человек с повадками Ясона, высказал точно такое же пожелание.

– А для чистоты эксперимента он попросил разрешить Романову пройти путь аргонавта до конца, то есть от любовницы, убившей мужа, до дочери, предавшей своего отца.

Дашкевич усмехнулся. Спросил: какой интерес Давиду наблюдать за тем, как родная дочь будет предавать его.

– Трудно сказать, – ответил Балахнин. – С достаточной долей уверенности, можно говорить лишь о том, что для Давида результаты его многолетнего труда значат гораздо больше, чем отношения с дочерьми, одна из которых, кстати, была им фактически выгнана из дома двенадцать лет назад.

– И еще Давид просил, – добавил Астраханцев, – сколько бы неприятностей не принесла Медея, заранее ее простить ее... На всё, говорит, воля богов.

25 июля

Проснувшись, Романов смотрел в потолок и медленно вспоминал о том, где он, с кем, что с ним. Вспомнив, опускал ноги на пол и долго искал глазами одежду. Не найдя ее, надевал аккуратно вывешенный на спинке кресла блестящий длинный халат и шел на кухню, откуда доносились запахи еды. Лениво потрошил вилкой приготовленные Нино котлеты и думал о том, что Медея – девушка, чьи губы всегда сжаты так, словно она уверена в том, что во всем огромном мире не найдется человека, способного бескорыстно помочь ей, – с каждым прожитым днем отдаляется от него всё дальше и дальше.

На первое предложение Нино похмелиться, он каждый раз отрицательно мотал головой – говорил, что с него достаточно выпитого накануне. Второе-третье молча игнорировал, придумывая, какими необходимыми словами вскоре объяснит свое желание покинуть этот дом. А после завтрака, поняв, что слов таких в русском языке не существует, как не существует их, по-видимому, ни в одном другом языке мира, сдавался. Брал со стола наполненную до краев рюмку и за длинными разговорами о поэзии и о всеобщем падении нравов постепенно забывал о том, что так мучило его каждое утро.

28 июля

Прошло три дня, и у Нино кончилась чача. Потом водка. Потом, глядя на ее растерянное лицо, не понимающее, как такое могло произойти, Романов добровольно вызвался сгонять в магазин. «Нет, нет! – в ответ испуганно замахала ладошками Нино. – Я сама сгоняю. Не надо». На вопрос: почему она не хочет, чтобы это сделал он – мужчина, которому на роду написано ходить за мамонтами и водкой, честно призналась:

– Боюсь, ты уйдешь и не вернешься.

29 июля

Чем больше Романов проводил время с Нино, тем больше его тянуло к Медее. Сначала ему казалось, это происходит из-за разницы в возрасте двух грузинок. Затем из-за того, что жалость к попавшей в беду сироте превалировала над жалостью к Нино, всеми силами стараящейся удержать его у себя.

«А может, – думал он, глядя в черный потолок, испещренный лучами фар проезжавшего мимо автомобиля, – дело в том, что Медея пришла ко мне в тот момент, когда я был несчастен и нуждался в ее любви точно так же, как ныне в моей любви нуждается Нино».

Решив, что в любом случае ответы, которые он надеялся получить от Медеи, тут не причем, закрыл глаза и, прислушиваясь к своим ощущениям, как никогда остро почувствовал одиночество.

Вынув руку из-под простыни, он ласково погладил Нино по голове.

Та заворочалась и повернулась к стене лицом.

– Спи! – прошептал он, целуя ее в спину.

После чего поднялся с дивана и вышел в ванную комнату, где в ящике для грязного белья Нино прятала его брюки с рубашкой. Оделся и, неслышной походкой ночного вора, до нитки обобравшего безоглядно доверившуюся ему нищенку, направился к выходу.

Ясон в Иолке (Из рассказа «Записки Аргонавта»)

Так устроена жизнь. Многое из того, что еще вчера казалось необыкновенно важным, сегодня, с высоты прожитых лет, представляется пустым и ничемным, как то далекое путешествие к берегам Колхиды на «Арго», в полуденной тени которого я как раз прилег отдохнуть. Мог ли я тогда, в дни своей бурной молодости, подумать о том, что любовь богов непостоянна, как непостоянны ветра в горах Пелиона, а золотое руно, скрытое Этом в священной роще Ареса, сделает меня несчастным? Нет. Но именно так всё, увы, и произошло. Боги, до этого благоволившие мне, как до этого не благоволили никому из смертных, отвернулись, едва потрепанный бурями «Арго» возвратился в гавань Иолка, и больше ничем не напоминали о себе. Быть может, позавидовали они славе моей столь громкой, что докатилась она до вершины Олимпа, а может, посчитали, что сделали для меня – героя Ясона – все, что могли...

Тиран Пелий – сын владыки моря Посейдона – отнял у моего отца и своего сводного брата – царя Эсона – город Иолк и отказался приносить жертвы богам. Не всем, конечно, но тем, кому ничего не досталось, это не понравилось. Кто-то из них надоумил отца спрятать меня – новорожденного младенца, которому по праву принадлежала власть в Иолке, подальше от глаз тирана, и через двадцать лет, явить ему в наказание за жадность и непомерную гордыню.

За те двадцать лет, что провел у мудрейшего из кентавров Хирона, я – Ясон – обучился многому: сражению на мечах, стрельбе из лука, кулачному бою, а главное, пониманию того, что жизнь в пещере – не та жизнь, которой я – сын и внук царей Фессалии – достоин. И потому, как только истек срок моего ученичества, накинул я на плечи шкуру леопарда, взял два острых копья и, тепло попрощавшись с Хироном, возвратился в Иолк, незаконно захваченным моим дядей тираном Пелием.

– Мы с тобой одного рода и не должны проливать кровь друг друга, – выставив вперед босую ногу, строго сказал ему при встрече. – По этой причине я – Ясон – предлагаю оставить себе богатства, что отнял ты у моего несчастного отца – и добровольно вернуть власть над Иолком, принадлежащую мне по законному праву родства.

Увидев меня, преисполненного праведного гнева, а, также услышав мои резкие, но справедливые слова, тиран испугался.

– Хорошо, я согласен, – прошептал он, не поднимая глаз от стыда и страха. – Но с одним условием: за это должен ты будешь умиловить подземных богов. Тень умершего в далекой Колхиде брата моего Фрикса молит нас отправиться туда и завладеть золотым руном. Да и в Дельфах стреловержец Аполлон повелевал мне тоже самое... Только вот беда – стар я, боюсь, не осилю столь великий подвиг. Ты же молод и, как погляжу, полон силы – соверши его, докажи, что достоин стать царем.

Много лет прошло со времени того разговора. И все эти лета я спрашивал себя: «Надо ли мне было соглашаться на предложение тирана Пелия» И каждый раз отвечал себе: как я мог не согласиться, если весь мир, затаив дыхание, замер в предвкушении подвигов, которые я – Ясон – совершу на зависть потомкам.

А что же тиран Пелий? Не знаю. Дрожащий от страха старик стал мне после этого разговора неинтересен – победы не над таким жалким противником жаждала моя душа. Она жаждала другого – подвигов, опасных приключений, громких побед и великой нескончаемой славы.

От мысли добыть золотое руно, находящегося за пределами ойкумены, а с ним и великую славу, закружилась голова не у меня одного. Десятки юношей-героев со всех концов Эллады вызвались помочь мне.

Вот их имена: сыновья Зевса – Геракл и Кастор с Полидевком; Акаст, Теламон – отец Аякса, гордость Афин – Тесей и друг его – Пирифой, Мелеагр с Аталантой из Калидона, кормчий Тифий, прорицатель Мопс, братья Идас и Линкей, Бут, Полифем, Евриал, Девкалеон, Авгей, Еврит, Эфалид, Анкей, Нестор, Адмет, Евфем, Пелей, Аргос, Периклимен, Идмон, Кеней, Армений, Филоктет, Менетий, Талай, Эвфем, Ификл, Лаэрт, Корон, Пеант, Аскалаф, Эхион, Оилей, Клитий, Автолик, Ифит, Амфидамант, любимец Геракла – Гилас и певец Орфей.

(Возможно, двух последних не совсем правильно причислять к героям, и уж совсем неправильно к юношам, но без них долгое путешествие для многих из нас – юношей и героев – стало бы в тягость.)

Сегодня, по прошествии стольких лет, невозможно даже представить, насколько я был горд оттого, что принимал у себя в Иолке тех, чьи имена гремели по всей Элладе! И только чувство облегчения, написанное на лицах сородичей в момент прощания с ними, заставляло умерить восторг и задаться вопросом, кто они, мои спутники – герои, в веках прославившие свои имена, или люди, от имен которых еще много веков будут содрогаться сородичи.

Впрочем, чего мне – Ясону – было опасаться, думал я, если сами боги оказывали мне всемерную поддержку? Афина Паллада вделала в корму пятидесятивесельного корабля, построенного мастером Аргом и названного в его честь «Арго», кусок дуба из священной рощи оракула Зевса, Гера пожелала удачи, а стреловержец Аполлон предсказал ее. Я, конечно, решил, что мне – Ясону – опасаться нечего, и с мыслями о грядущей славе, принялся спокойно готовиться к дальнему походу.

30 июля

Дорога к Липовке заняла у Романова не меньше получаса. Село, значительную часть которого занимали новые коттеджи, стояло на правом берегу реки рядом со старой пристанью, куда во времена его детства под бравурную музыку, вызывающую ощущение нескончаемого праздника, причаливали большие и красивые корабли.

Многое изменилось с тех пор. Река обмелела, корабли, уже не такие большие и красивые, как раньше, причаливали теперь к другому берегу, откуда в город вела широкая, удобная дорога. Старая пристань порядком обветшала, и, судя по неподвижным силуэтам мальчишек с удочками, интересовала лишь рыбаков да коз, лениво разгуливающих по ее полусгнившему деревянному настилу, сквозь щели которого кое-где у бережка пробивались тонкие ростки ив.

Дом, в котором жил Толя Пинчук, как и стоявший у калитки джип, до того грязный, что только при большом старании можно было определить его марку, выглядел неухоженным и старым. Обшитый почерневшей от времени доской и покрытый изъеденной ржой жестью, он выделялся из общего ряда таких же далеко не новых домов полным отсутствием признаков жизни. Забор, заросший с обеих сторон сорняком высотой по пояс, покосился; за забором гнил кузов старого «Москвича»; во дворе, там, где полагалось гулять курам – прохаживались в бесплотных поисках еды два сизаря. И даже мухи, особенно многочисленные и злые в эту пору, казалось, старались облетать это место стороной.

Калитка в заборе была не заперта. Войдя в нее и услышав доносящуюся из полуоткрытой форточки музыку, Романов понял, что жизнь в доме, несмотря на окружавшее его запустение, еще теплилась.

Вытерев о половик ноги, он деликатно постучал в дверь. Не дождавшись ответа, открыл ее и вошел внутрь. Пересек холодные темные сени и, отворив еще одну дверь, оказался в сумрачной комнате с низким потолком.

В центре комнаты за столом, уронив подбородок на грудь, сидел, развалившись на табу-рете, крупный мужчина лет тридцати пяти в нательной белой майке. За его спиной находилась русская печь, справа – за ситцевой занавеской – металлическая кровать с никелевыми шарами в изголовье, слева – два выходящих во двор маленьких заклеенных бумагой оконца. На столе стояли: магнитофон, из динамиков которого ревела музыка, бутылка водки, пустой граненый стакан и тарелка квашеной капусты.

Услышав во время короткой музыкальной паузы скрип открывающейся двери, мужчина вздрогнул. Поднял голову и удивленно пробормотал:

– Это еще кто?

Романов представился. Перекрикивая вновь загревшую музыку, сказал, что хотел бы поговорить с Анатолием Пинчуком по поводу Медеи Дадиани. На вопрос хозяина: кто он, чума, такой, что врывается без приглашенья, ответил:

– Ее знакомый.

– Ага. Хахаль, значит, – сделал вывод Пинчук. – Сам пришел. Это хорошо.

С этими словами он уперся кулаками в стол и стал подниматься.

Поднимался он долго. Сначала некоторое время распрямлялись ноги, которым мешал низкий стол, потом обросшая тонким жирком поясница приводила в вертикальное положение некогда накаченный торс, и только потом поднялась под самый потолок коротко стриженная голова.

Приняв устойчивое положение, Пинчук спросил, глядя Романова в глаза:

– Чего уставился? Может, скажешь, не нравлюсь?

Романов отрицательно покачал головой.

– Нет, – испуганно оглядывая его огромную двухметровую фигуру, прошептал он, – нравитесь.

Пьяное лицо Пинчука, добрую четверть которого занимали выпуклые надбровные дуги, в глубине которых спрятались черные глаза, исказилось гневом. Губы прошептали: «что ты сказал?» так, словно не могли, не хотели, отказывались верить в то, что донесли до них два оттопыренных уха, и тут же надрывно прохрипели:

– Что ты сказал, гомик? А ну повтори!

Оттолкнув табуретку, Пинчук сделал по направлению Романова два широких шага. Вытянул руку и схватил его за грудки.

Поняв: еще немного и он задохнется в вороте собственной рубашки, Романов прошептал, что его-де неправильно поняли. Словом: «нравитесь», он хотел выразить не его, Анатолия, внешность, а свое отношение к незнакомому человеку, которое Лев Гумилев называл положительной комплементарностью.

Призадумавшись, Пинчук ослабил хватку.

Воспользовавшись передышкой, Романов, жадно глотая ртом воздух, добавил, что он вовсе не хахаль Медеи Дадиани.

– А ищу ее, потому что чувствую: и ей, и мне угрожает беда!

Пинчук с готовностью кивнул: это ты, дескать, правильно чувствуешь. И чуть приподняв кулак, в котором сошлись концы воротника, заставил Романова привстать на цыпочки.

– А теперь, чума, давай, повтори, что про меня сказал этот твой Гумилев!

Романов повторил. И тут же пожалел об этом.

Узнав о том, что положительная комплементарность – это неосознанное влечение одного человека к другому, Пинчук, не зная, как на это реагировать, сначала нахмурил брови. Однако секундами позже, услышав от Романова, что Гумилев, когда вводил этот термин, никого не думал оскорблять, обиделся, что какая-то там козявка решила, будто может чем-то оскорбить его – человека, передавшего за свою жизнь не один десяток подобных тварей, и взмахнул кулаком. Но не ударил, как того ожидал зажмурившийся от страха Романов, а презрительно толкнул в грудь.

Открыв глаза, Романов торопливо извинился за то, что, видимо, не совсем правильно истолковал смысл выражения «положительная комплементарность». Отступил на шаг и попросил разрешения сделать это как-нибудь в другой раз.

– А сейчас, если вы не возражаете, я пойду... Ладно?

Вместо ответа, Пинчук втолкнул его вглубь комнаты. Поправил выползшую из-под спортивных брюк нательную майку, и, сжав кулаки, предложил поговорить как мужчина с женщиной.

Выставив вперед себя ладони, Романов в ответ попросил Пинчука успокоиться. Пинчук, не желая успокаиваться, велел сказать: с какой целью он, чума, решил вывести его – нормального и почти что трезвого человека – из себя.

Романов попытался объяснить, что у него даже в мыслях не было никого никуда выводить, самому бы, дай бог, скорее куда-нибудь выйти. Пинчук, сделав еще шаг навстречу, потребовал ответить: чем он – нормальный и почти что трезвый человек – вызвал столь неуважительное отношение к себе со стороны вконец оборзевшей козявки.

Романов, чуть не плача, сказал, что никакая он не козявка и вообще не понимает, о каком неуважении идет речь. Пинчук, не желая ничего знать, спросил: как бы он, чума, повел себя на месте нормального и почти что трезвого человека, если бы к нему – нормальному и почти что трезвому человеку – какой-то мужик почувствовал неосознанное влечение.

– Наверное, в небритую морду бы дал? Правильно?

И тут же, предупредив о том, что сейчас, кажется, не выдержат и начнет кого-то долго, нудно бить, нанес неловкий удар, пришедший Романову в правое предплечье.

Романов упал на спину. Увидев, как потерявший равновесие Пинчук валится на него, согнул ноги и, что есть силы, толкнул в грудь. Потом вскочил и еще дважды сверху вниз ударил кулаком по затылку. После чего сделал шаг назад и, приподняв руки до уровня подбородка, приготовился к последней в своей жизни драке.

Минуту – шестьдесят долгих секунд – Романов, ожидая нового нападения, стоял, тяжело дыша, над огромным занимавшим чуть ли не половину пола телом Пинчука, и сам себе казался несчастным воробышком, в одиночестве отбивающимся от матерого хищника.

Перевалившись с боку на живот, Пинчук глухо застонал. Одновременно с щелчком закончившейся магнитофонной кассеты, осторожно поднялся на ноги и, держась за левую часть груди, медленно прошел к столу. Проклиная аритмию, сердце, здоровье, не позволяющее дышать полной грудью, упал на табурет и закрыл ладонями лицо.

Поняв, что опасность миновала, Романов опустил руки. Осмотрелся по сторонам: все ли спокойно, и бочком двинулся в сторону двери.

– погоди! – окликнул Пинчук. – Ты чего приходил-то?

Не зная, что делать, то ли бежать без оглядки, пока путь открыт, то ли вернуться, поговорить об интересующем деле, Романов в нерешительности остановился.

– Медею, что ли, ищешь? А ты кто ей будешь, я не понял, хахаль что ли?

Романов отрицательно покачал головой: нет, сказал он, не хахаль.

– А впрочем, – оторвав ладони от лица, выдохнул Пинчук. – Мне без разницы. У меня баб этих – только свистни... Водки хочешь?

Романов замотал головой из стороны в сторону и сказал: да.

– Тогда проходи!

Стараясь не делать резких движений, Пинчук достал из-за спины второй табурет. Поставил напротив себя через стол и кивнул, приглашая садиться.

Прежде чем принять приглашение, Романов десять раз подумал: стоит ли рисковать.

Решив на одиннадцатый раз, что стоит, мысленно помолился: «Была, не была, где наша не пропадала!», и сел. Взял в руки стакан, наполовину наполненный водкой и, желая как можно скорее закончить дело, ради которого пришел, спросил: где найти Медею.

– А зачем она тебе?

К своему удивлению Романов не сразу нашелся, что ответить. Сначала хотел сказать: затем, чтобы выяснить, для чего она приходила к нему в полночь в одной ночной рубашке, потом подумал и решил, что дело не том, чтобы найти и спросить, а найти и сказать, что она не одна, что человек, который будет бескорыстно помогать ей, находится на расстоянии вытянутой руки.

– Да так... Слишком много накопилось всего. Сразу не расскажешь.

– А ты выпей! Говорить легче будет.

Недолго думая, Романов опрокинул в себя содержимое стакана. Поставил с громким стуком на стол, и, влекомый внезапно возникшим желанием излить душу человеку, от которого зависело: найдет ли он Медею, принялся подробно рассказывать обо всем, что случилось с ним, начиная с той самой ночи, когда над притихшим городом взошла бледно-желтая луна.

Закончив рассказ, Романов еще раз с удовольствием выпил водки, занюхал рукавом рубашки, и спросил Пинчука: как он думает, какую цель преследовала Медея, когда приходила к нему.

Пинчук пожал плечами. Сказал, что Медея, девочка, конечно, со странностями и приворожить, кстати говоря, может не хуже его летавки, но вот чтобы в полночь явиться бог весть кому в одной ночной рубашке...

– Нет, чума, это не в ее стиле. Тут что-то не так.

Романов уныло согласился: не так.

Потом спросил:

– Ты с ней, говорят, встречался?
– Нет. Но она мне звонила один раз, после того, как прилетела из Швейцарии.
– О чем вы разговаривали, можно узнать?
– Ни о чем. Так, обычный трёп.
– Как найти ее, знаешь?
– Теперь, когда Дадиани сменили местожитительство, нет, но... – добавил Пинчук, подняв указательный палец правой руки вертикально вверх. – Попробовать поискать, думаю, можно.

Толя Пинчук, как и говорил, оказался человеком не только нормальным, но и почти что трезвым. Точно извиняясь за поведение, недостойное богатыря, он весь вечер, казалось, старался заглядывать перед Романовым свою вину – рассказывал всё, о чем знал или догадывался, делился всевозможными слухами, словом, вел себя подобно иным совестливым людям, которые честно признают за собой пороки, от которых не в силах избавиться.

Отвечая на первые два вопроса Романова: что собой представляет Медея и кто ее друзья, сказал, что по причине крайне редкого пребывания на родине, друзей у нее нет и быть не может, за исключением разве что сводной сестры Софики.

– Что же касается того, кто она такая...

Задумчиво пожевав губы, Пинчук попросил Романова представить себе человека, которого когда-либо незаслуженно обидел.

Выполняя просьбу, Романов нарисовал в своем воображении себя в облики двухметрового богатыря с ярко выраженными надбровными дугами, а человека, незаслуженно обиженного им, в виде интеллигентного сорокатрехлетнего мужчины с усталым лицом, в котором читались ум и душевные страдания.

– А теперь, – сказал Пинчук, получив от Романова знак о том, что тот сделал всё, как надо, – постарайся вызвать в себе чувство вины перед ним, как будто ты только минуту назад узнал о том, что наехал на него конкретно не по делу.

Романову не было нужды особо стараться. Не успел Пинчук договорить, как он – двухметровый богатырь с ярко выраженными надбровными дугами – уже испытывал невероятные муки совести оттого, что издевался над интеллигентным человеком с умным лицом, чья единственная вина заключалась в том, что тот всеми силами старался помочь попавшей в беду сироте.

– Почувствовал, да? – заглянул ему в глаза Толя. – Чего молчишь?

Удрученно покачав головой, Романов сказал о том, что ему сейчас до того худо – хоть в петлю лезь.

– Ну вот! – неизвестно чему обрадовался Пинчук. – Так же и с Медеей! Все, кто с ней общались, испытывали примерно те же чувства. Я, кстати, тоже... Так до того это, скажу тебе, дошло, что она, по-моему, сама вскорости уверовала в то, что все вокруг провинились перед ней!.. Короче, – хлопнул ладонью по столу, – ходячий укор совести – вот кто она такая!

– А основания считать себя обиженной у нее были?

Пренебрежительно махнув рукой, Пинчук ответил, что основания считать себя обиженным, если поискать, найдутся у каждого. Потом подумал над тем, что сказал, и, почесав затылок, добавил, что в случае с Медеей, причины как раз таки, возможно, и были.

– Нет ну, ты, чума, сам посуди! Если бы тебя посадили в больницу лет эдак на десять, двенадцать, как бы ты себя вел?

Вместо ответа, Романов спросил: чем она болеет.

Пинчук пожал плечами. Сказал, что с Медеей через несколько дней после гибели Любы – ее матери, случился какой-то приступ.

– Что за приступ, не знаю, все кругом, как воды в рот набрали, но догадываюсь...

Пинчук осмотрелся по сторонам, так, словно хотел удостовериться в том, что их никто не подслушивает. Наклонился над столом и, повертев указательным пальцем у виска, сказал, что Медея, по его мнению, немного того.

– Того, это в смысле, ненормальная? – уточнил Романов.

– Нет, что ты! – замахал руками Пинчук. – В этом смысле она нормальнее нас с тобой, тут вопросов к ней нет... Но ведь, знаешь, как иной раз бывает, – шепотом добавил он, – сегодня ты нормальный и почти что трезвый, а завтра прицепится к тебе какая-нибудь чума, скажет что-нибудь такое, отчего душа наизнанку вывернется, и всё – вызывай санитаров!

– Ладно, – Романов в раздражении отодвинул от себя пустой стакан. – Как ты собираешься искать Медею?

Такая постановка вопроса Пинчуку не понравилась. Он отвернул от Романова лицо и обиженным голосом сказал, что искать, по его мнению, в таких случаях полагается тому, кому это больше всего надо. А поскольку ему, Толе, это ни к чему, баб у него и без того хватает – только свистни, он, если и согласиться искать Медею, то только в качестве добровольного консультанта.

3 августа

Пинчук позвонил Романову рано утром. Спросил, как у него, чумы, идут дела и тут же, не давая ответить, предложил этим вечером, не позже восьми, съездить в поселок Черемисово, где проживали мать и сын Нюры Маняшкиной – бывшей домработницы Давида Дадани.

– Сама Нюрка, как ты слышал, умерла несколько лет назад. Но бабка, насколько мне известно, еще при памяти и должна помнить, где живет дядя Миша – ее то ли кум, то ли сват.

– Ты хочешь сказать, дядя Миша, который работал у Дадани садовником, знает, где искать Медею? – спросил Романов. – Откуда такая уверенность, если не секрет?

– По словам соседей Давида, которых я навестил два часа назад, дядя Миша работал в саду Дадани в день, когда те всем семейством переезжали на новое место. Значит, должен знать!

Несмотря на то, что Романов так не считал, известие о том, что в порядке затянувшихся поисках Медеи появился первый след, обрадовало его. Пообещав быть в Липовке ровно в восемь часов вечера, он положил трубку и принялся готовиться к поездке за город.

***

Проскочив мост над заросшей густым камышом речкой, от которой осталась разве что одна дорожная табличка с названием, Нексия въехала в село, расположенное на склоне пологой горы. Руководствуясь указаниями Пинчука, некогда бывшего здесь на похоронах Нюры Маняшкиной, Романов свернул с центральной улицы сразу после того, как пересек первый перекресток, и остановил машину в глухом широком переулке возле небольшого зеленого дома.

Ткнув пальцем в сторону висевшей перед калиткой голой лампочки, Пинчук сказал: здесь. Отцепил ремень безопасности и, отвечая на приглашение Романова составить ему компанию, сказал, что лучше подремлет на свежем воздухе.

– Ты, кстати, чума, там тоже особо-то не расслаивайся! – сказал он, раскладывая переднее сиденье. – А то у меня свидание в полночь. Как бы не опоздать!

После чего разлегся на сиденье и, широко зевая, принялся рассказывать о своей подруге и ее ревнивом муже, из-за которого они, два голубка, вынуждены встречаться исключительно по ночам, когда муж, вреднюга, уходит в третью смену.

Маняшкины: баба Фрося – полная семидесятилетняя старуха, ее внук Боря – нервный, ни минуты не сидевший на месте худенький паренек двадцати пяти лет и его жена Надя – дородная молодая женщина, внешне похожая на бабу Фросю, встретили Романова настороженно. Но уже через минуту, узнав в нем человека, которого совсем недавно показывали по телевизору и даже за что-то хвалили, усадили за стол и принялись угощать чаем.

К чаю, кроме варенья, печенья, конфет, меда, подали крупно нарезанные помидоры со свежими огурцами, хлеб, сало, сырую колбасу и холодную курицу.

Окинув недовольным взглядом стол, баба Фрося предложила отведать домашней настойки. Налила в четыре маленькие розовые рюмки красную жидкость из большой трехлитровой бутылки, дно которой устланы мелкие ягоды, и произнесла тост за знакомство. С благодарностью выслушала похвалу Романова в адрес напитка и, не обращая внимания на укоризненные гримасы внука, принялась рассказывать рецепт его приготовления. От рецепта плавно перешла к рано умершей дочери Нюре, очень любившую эту настойку; от дочери Нюры к

Давиду, у которого та много лет работала и которого называла не иначе как душегубец; от Давида-душегубца к тому, ради чего и пришел Романов – местожительству деда Михаила.

– В городе он живет, у магазина, наискось от базара. Улица, как сейчас помню, Борисоглебская называется, в честь, значит, святых мучеников Бориса и Глеба, дом один и квартира тоже один... А на кой он тебе?

Романов сказал, что через деда Михаила хочет отыскать Дадиани.

– А они тебе на кой?

– Да так... Дело есть к ним одно.

– А... – протянула старуха. – Ну, коли дело, тогда конечно.

Почувствовав в голосе бабы Фроси обиду за нежелание говорить о людях, о которых ей, видимо, было что сказать, Романов спросил: отчего, если не секрет, ее дочь – Нюра – называла Давида Дадиани душегубцем.

– А каким еще словом его, ирода, называть? – удивилась та. – Жен своих, что первую, что вторую, со свету сжил? Сжил! Так и Нюрка моя тоже через его попреки захворала! Всё ему, видишь ли, не так! То чай простыл, то харчи не солонь, то штаны не тем концом отглажены. Хотела я ему как-то пойти сказать: сам-то ты, безобразник, до какого греха дочь свою довел?... Да уж ладно. Придет срок, Бог ему сам всё, что надо скажет.

Только баба Фрося замолчала, как в разговор вступил Боря. Вскочив со стула, он принялся рассказывать о том, о чем, по его мнению, не договорила бабушка. О первой законной жене Давида, от которой у него остался сын Георгий с дочерью Софико, и о второй, гражданской, Любви Перебежкиной, местной девушке, родившей Медею – самую красивую шлюху из всех, с кем ему когда-либо довелось встречаться.

Услышав слово «шлюха» Романов решил, что ослышался. Повернул голову в сторону Бори и попросил повторить еще раз.

– А вы разве не знали? – сев на место, смущенно захихикал тот. – Медея, она же это... как её... сексоманка – больная сексоманией. Мать об этом говорила, когда ты в швейцарскую психушку упекли.

Надя поправила мужа: не сексоманией, а сексомнией.

– Да какая разница! – пренебрежительно махнул рукой Боря.

– Большая! При сексомании больной идет на половой контакт сознательно, а при сексомнии – сексуальном лунатизме – неосознанно, находясь в сомнамбулическом сне.

Боря желчно рассмеялся. Спросил: откуда она – медсестра с полутора классами черемисовского образования – может об этом знать.

– А язык человеку на что? – обиделась Надя. – Спросила я! У Елены Марковны – нашего психиатра – после того, как ты мне рассказал об этой девушке!

Мысли Романова, и так находящиеся в беспорядке, окончательно запутались. Не в силах сосредоточиться ни над одной из них, встал из-за стола и, торопливо поблагодарив бабу Фросю за угощение, направился к выходу. У дверей остановился, вслух повторил адрес деда Михаила – улица Борисоглебская, дом один, квартира один – и в сопровождении Бори вышел во двор. Увидев, как тот украдкой переложил из одного кармана в другой металлический кастет, спросил: зачем он ему.

Боря нажал на клавишу электрического выключателя. Показал на загоревшуюся над калиткой лампочку, тут же атакованную ночной мошкой, и пожаловался на то, что уже который вечер, кто-то расколачивает ее.

– Замучил! Я вставляю – а он, как стемнеет, расколачивает! Я вставляю – а он, как стемнеет, расколачивает! Не иначе, издевается, гад!.. Но ничего, ничего! – погрозил в ночь кастетом. – Вчера я его чуть не поймал, сегодня точно отловлю! И уж тогда ему будет не до издевок!

Пожелав Боре удачи, Романов вышел на освещенную лампочкой улицу.

«Это что же получается? – подумал он. – Выходит: Медея лунатичка? Гуляет по ночам в чем мать родила, и во время сомнамбулического сна неосознанно совокупляется с первыми встречными, как это чуть было не произошло со мной у меня на квартире?»

Задумчиво глядя себе под ноги, Романов подошел к Нексии. Открыл левую переднюю дверцу и завел двигатель. Подумал, что кого-кого, а его, живущего на четвертом этаже пятиэтажного дома, назвать первым встречным, можно только с большой натяжкой.

Не обнаружив в салоне Толи Пинчука, Романов высунул голову из машины и негромко окликнул его.

«И потом... Что это за лунатичка такая, что ездит на заднем сиденье то ли большого, то ли высокого, то ли черного, то ли зеленого автомобиля?.. Вопрос, однако».

– Иду, иду! – донесся хриплый голос Пинчука.

Прошло несколько секунд и из темноты выплыла его огромная фигура.

– Ну, как? – спросил он, садясь рядом. – Узнал адрес?

Включив первую передачу, Романов медленно нажал на педаль акселератора. Открыл рот, чтобы передать разговор с Маняшкиными, но тут же, огорошенный внезапно появившейся мыслью, закрыл.

«А имею ли я право разглашать тайну болезни Медеи, которую она и ее родственники хранят, как зеница око?»

Решив: уж кто-кто, а Толя Пинчук, похоже, по уши влюбленный в Медею, обязан знать если не всё, то почти всё, что касается предмета своего обожания, сказал, что выяснил, по какой причине дочь Давида разгуливает по городу в одной ночной рубашке. Сказал и тотчас, словно это касалась его в той же степени, как и отца Медеи, почувствовал острый стыд оттого, что кто-то еще будет знать о том, что она способна отдаться практически первому встречному.

Романов собрался с мыслями и, отвечая на вопрос Пинчука: так по какой причине Медея разгуливает по городу в ночной рубашке, сказал: по причине того, что является лунатичкой. Затем подумал о том, что ответ получился слишком формальным для того, чтобы выглядеть убедительным, и, почти не разжимая губ, добавил:

– Это всё, что мне удалось узнать о ней. И больше ни-че-го!

В этот момент на панели приборов автомобиля загорелась красная лампочка. Резко затормозив, Романов вышел из машины. Поковырялся в двигателе и, на ходу вытирая руки тряпкой, подошел к Пинчуку.

– Надо сходить за водой.

– Что-то случилось?

– Шланг охлаждающей жидкости слетел. Всё, блин, вытекло!

– Ну, так иди, чего стоишь.

Не теряя времени, Романов открыл багажник. Достал полиэтиленовое ведро, вытряхнул из него скопившийся мусор и направился к дому Маняшкиных, до которого на глаз было не меньше двухсот шагов. У дома, споткнувшись о кочку, грязно выругался. Слова, сорвавшиеся с уст, прозвучали в ночи столь отчетливо и громко, что ему стало неловко за себя. Он осмотрелся по сторонам в надежде на то, что его никто не услышал и, пообещав себе впредь быть осторожнее с крепкими выражениями, направился дальше.

Не дойдя трех метров до края освещенного круга, в центре которого мерно раскачивалась над калиткой голая лампочка, Романов услышал два коротких щелчка. Одновременно со вторым лампочка лопнула, улица погрузилась во тьму, а откуда-то из-за горки наваленных дров промелькнула чья-то тень. Не успел он задуматься над тем, что это были за щелчки, по какой причине лопнула лампочка и что за тень промелькнула из-за горки наваленных дров, как почувствовал острую боль от удара в лицо.

Романов потерял сознание. Через какое-то время, обнаружив, что лежит на спине и из последних сил отбивается от человека, пытающегося дотянуться до его лица кастетом, крикнул:

«Что ты делаешь, гад? За что?». Человек с кастетом резко и оттого неожиданно развел руки в стороны и, воспользовавшись тем, что лицо Романова на мгновение оказалось незащищенным, ударил лбом по переносице. Романов взвыл. Перекатившись со спины на живот, подмял нападавшего под себя и, ни на секунду не переставая выть от боли и ненависти к тому, кто причинял эту боль, принялся осypать его градом ударов. В этот момент кто-то схватил Романова за туловище и отбросил в сторону. Через секунду-другую, поднял с земли и понес. Романов сделал попытку вырваться, но, услышав голос Пинчука, приказавшего не дергаться, утих.

Добежав до Нексии, Пинчук бросил Романова на заднее сиденье. Сам сел за руль и, не разбирая дороги, погнал автомобиль подалее от того места, где произошла драка.

Романов с трудом открыл глаза. Провел липкой ладонью по лицу сверху вниз и спросил жалобным голосом: как они теперь доедут до города без воды.

Не отрывая взгляда от трассы, Пинчук ответил:

– Вода есть в небольшом болотце в пяти минутах езды от Черемисово. Там зальемся.

– А как зальемся-то? Ведра-то у нас – тю-тю, нет!

– Не беда. Выкрутимся.

– Да? Это хорошо.

Облегченно вздохнув, Романов упал на сиденье. Не в силах ни о чем думать, кроме как о потерянном ведре и красной лампочке на панели приборов автомобиля, закрыл глаза.

Из всего, что было дальше, Романов помнил немного – то, как Пинчук на кухне промывал чаем залитые кровью глаза, прилаживал ко лбу куски оторванной кожи и терпеливо отвечал на одни и те же вопросы: что с автомобилем и как они доехали до дома.

4 августа

Окончательно Романов пришел в себя только утром следующего дня. Лежа на кровати, он внимательно разглядывал потолок спальни и неторопливо размышлял о том, что Медею все же несправедливо считать, а тем более обзывать шлюхой.

И тут он с удивлением обнаружил, что, оказывается, больше не желает заниматься ее поисками.

«А зачем? – удивился тому, что не почувствовал этого нежелания раньше. – Какой в этом смысл? Ну, найду я ее? Ну, скажу о том, что она теперь не одна? И что? Кому это надо? Ей? Мне? Что я реально могу для нее сделать?»

Поняв, что сделать для Медеи реально ничего не может, а, главное, не хочет, Романову стало стыдно. Закрыв глаза, он представил себе девушку-грузинку с губами, сжатыми так, словно ее только что уведомили об исчезновении последнего человека, способного помочь в беде, и вслух обозвал себя бездушной свиньей. А чтобы усилить отвращение к себе – бездушной свинье, отрекшейся от того, кто ждал от него защиты – кубарем скатился с кровати, встал на четвереньки, пукнул, хрюкнул, поднялся на ноги и подбежал к зеркалу. Ткнул пальцем в обезображенное лицо и приказал себе в назидание за предательство навсегда запомнить его таким, как сейчас – уродливым и мерзким.

– Ну, зачем я ей нужен? Я слабый! Я старый! Я больной – мне надо срочно показаться в поликлинике врачу!

Подобно загнанному в угол человеку, цепляющему за спасительную мысль, в надежде на то, что, следуя ей, сумеет преодолеть обстоятельства, толкающие на необдуманные поступки, Романов, ухватился за фразу: «Я старый, я больной, мне надо в поликлинику к врачу». Вытащил из ящика письменного стола паспорт с медицинским страховым полисом, сдернул с вешалки куртку и выбежал в подъезд.

Спустившись с четвертого этажа на второй, Романов остановился, увидев поднимающего навстречу человека в зеленой фетровой шляпе, несколькими днями ранее чуть ли не до смерти напугавшего его. Наблюдая за тем, как тот передвигался по лестнице: устало и неторопливо, подумал о том, что ничего необычного, а тем более угрожающего в его внешности нет.

«И чего я, спрашивается, тогда запаниковал? Обычный мужчина, каких десятки в нашем доме... Вот сейчас спокойно, не суетясь, он поднимется на три ступеньки...»

Незнакомец сделал несколько тяжелых шагов вверх.

«Поравняется со мной...»

Незнакомец поравнялся.

«Сунет руку в карман плаща...»

Незнакомец засунул руку во внутренний карман плаща.

«Достанет оттуда ключи... Нет-нет, не ключи – нож! – вспыхнуло в мозгу Романова. – Нож он достанет из своего кармана и воткнет мне в самое сердце!»

Человек в шляпе вынул из кармана носовой платок. Чихнул, вытер нос, и, не поднимая глаз, медленно прошел мимо вытянувшего в струнку Романова.

Проводив его испуганным взглядом, Романов медленно осел на ступеньки лестничного марша. Обхватил руками голову и, пытаясь унять дрожь, снова подумал о том, что если прямо сейчас не узнает: с какой целью Медея приходила к нему в полночь в одной ночной рубашке, уже никогда не избавится от страха быть убитым в подъезде собственного дома.

Ясон во Фракии (Из рассказа «Записки аргонанта»)

Вскоре прибыли мы к берегам Фракии. Вышел нам навстречу слепой старец. И был он до того слаб, что еле держался на ногах. Поприветствовав взмахом худой руки, упал в изнеможении на землю и заплакал горькими слезами.

Старца звали Финей. Был он некогда великим прорицателем. Однажды обиделись боги за то, что, злоупотребляя полученным от Аполлона даром, открыл он не тому, кому надо тайны Зевса и наслали на него беспощадных гарпий – полудев-полуптиц. Стоило теперь Финею приступить к трапезе, как прилетали они к нему и, распространяя вокруг себя страшное зловоние, пожирали пищу.

Рассказав о своих нескончаемых страданиях, старец стал молить меня о том, чтобы исполнил я некогда полученное им пророчество – освободил его от этой напасти.

Я ему, понятное дело, пообещал. Потом, конечно, забыл. Потом, когда в самом разгаре веселого пира прилетели какие-то то ли дурно пахнущие женщины в обличье птиц, то ли птицы в обличье дурно пахнущих женщин, и испоганили своим дыханием вино, снова вспомнил. А, вспомнив, приказал крылатым сыновьям Борей – Калаиду с Зетом, наказать их.

Устремились на гарпий бореады. Долго преследовали их, пока, на-конец, не настигли у Плотийских островов. Обнажили мечи свои, но тут явилась Ирида – посланница богов – и повелела: Калаиду с Зетом оставить гарпий в покое, а гарпиям в свою очередь оставить в покое Финея.

С тем и вернулись во Фракию крылатые сыновья Борей. А Плотийские скалы стали с тех пор называться Строфадами – островами Возвращения.

Узнав о своем освобождении от гарпий, на радостях поведал нам Финей о том, какие опасности ожидают нас на пути в Колхиду, и то, как преодолеть их.

– Ждут вас впереди страшные Симплегады – две сталкивающиеся друг с другом в море огромные скалы, – предрек он. – Чтобы проплыть между ними, пустите впереди себя голубя, и если пролетит он – смело двигайтесь дальше... По прибытию в Колхиду призовите себе на помощь Афродиту, ибо только она может помочь вам завладеть золотым руном... Что же касается тебя, Ясон, то дни твои, видится мне, истекнут, когда истечет срок жизни «Арго».

Внимательно выслушали мы Финея. Поблагодарили за помощь, за гостеприимство и утром, еще раз до отвала накормив старика, продолжили плавание.

Быстро нес нас «Арго» по волнам моря. Но вдруг услышали мы отдаленный шум, напоминающий рев приближающейся бури, перекрываемый раскатами грома. Опустили весла свои, и, решив разобраться: в чем дело, вышли на палубу.

То, что увидели, потрясло нас до глубины души. Две скалы – две громадные каменные глыбы, закрывающие вход в Эвксинский Понт, на наших глазах внезапно разошлись, образовав узкий пролив, в который тут же устремились потоки мутной воды, и через какое-то время со страшным грохотом сомкнулись. Море в ответ всклокотало, как кипяток в докрасна раскаленном котле, поднялось до туч и, увлекая за собой обломки некогда разбившихся кораблей, рухнуло вниз, едва скалы встали на место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.